РЕЦЕНЗИИ

«Энгельс и языкознание». — М., изд-во «Наука», 1972. 311 стр.

Рецензируемый коллективный труд, посвященный 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса, представляет собой заметное явление в нашей лингвистической литературе по ряду причин. Во-первых, в этой книге большой коллектив авторов с единых позиций (несмотря на отдельные расхождения, которые мы ниже отметим) освещает несколько «энгельсовских тем», т. е. конкретных тем марксистской концепции языка. Коллективность подчеркивается оглавлением, в котором фамилии авторов даны лишь в скобках после названий статей. Во-вторых, этот сборник продолжает и дополняет серию общетеоретических исследований Института языкознания АН СССР, прежде всего книгу «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания» (М., 1970) и коллективную монографию «Общее языкознание» (т. 1, М., 1970; т. 2, М., 1972; т. 3—в печати), И, в-третьих (что, может быть, самое характерное), сборник возобновляет традицию, — столь существенную для советской лингвистики 20, 30, 40-х годов, — подходить к методологическим и теоретическим проблемам языкознания на каждом новом этапе их исследования, непосредственно опираясь на положения диалектического материализма. Именно этот пункт, опуская детали, сами по себе интересные, но в данной связи все же второстепенные, мы и поставим в центр нашей рецензии.

Четыре статьи коллективного труда посвящены обзору взглядов Ф. Энгельса на проблему «язык и общество» во всей их конкретности: Р. А. Будагов «Ф. Энгельс и некоторые проблемы языкознания», Н. С. Чемоданов «Ф. Энгельс о социальной обусловленности языка», С. А. Мионов «Ф. Энгельс и изучение истории нидерландского языка», Г. А. Климов «Вопросы компаративистики в трудах Ф. Энгельса».

Понимание языка как продукта общественного развития явилось главным вкладом марксизма в теорию языкознания (Н. С. Чемоданов, стр. 21). С этим связано и новое понимание сущности человека как совокупности всех общественных отношений, т. е. как сущности социальной, и далее — материалистический

подход к пониманию речевой деятельности индивида (Н. С. Чемоданов, стр. 22, 24). Эти положения лежат в основе конкретных языковедческих исследований Ф. Энгельса. Р. А. Будагов касается их в связи с вопросами: а) связи материи (субстанции) и отношения, б) соотношения системы и развития, в) взаимодействия языка и мышления. Н. С. Чемоданов показывает глубокую внутреннюю связь между названными им общеполитическими положениями и циклом работ Ф. Энгельса по проблемам этногонии и глоттогонии, которые венчает «Франкский диалект». С. А. Мионов начинает там, где кончает Н. С. Чемоданов, и прослеживает значение этой работы Ф. Энгельса для современной нидерландистики. Г. А. Климов самым детальным образом показывает отношение Ф. Энгельса к сравнительно-историческому языкознанию. Дальнейшее развитие науки о языке внесло существенные изменения в некоторые положения этой дисциплины, разделявшиеся Энгельсом, но, как правило, это были взгляды, стоявшие на переднем крае науки того времени: Ф. Энгельс и в этой конкретной области отстаивал принципы социально-исторического рассмотрения языка (Г. А. Климов, стр. 273).

Сказанное может служить, по-видимому, выводом и из всего этого раздела: марксистский подход к языку требует решать современные нам языковедческие проблемы так, как К. Маркс и Ф. Энгельс решали языковедческие проблемы своего времени.

Характерной чертой этих решений К. Маркса и Ф. Энгельса, как явствует из названных статей сборника, было то, что К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из четких философских положений и конкретизировали их применительно к языку. Таким образом, между общеполитическими тезисами и лингвистическими решениями у них всегда присутствовало срединное звено, которое можно назвать марксистской философией языка. Поэтому наличие в настоящем сборнике специального цикла статей, посвященных именно этим проб-

лемам, вполне оправдано и необходимо. Его образуют три статьи: Г. В. Колшанский «Проблема противоречий в структуре языка», Т. П. Ломтев «Внутренние противоречия как источник исторического развития структуры языка», В. М. Солнцев «Абстракции и проблема абстрактных сущностей в лингвистике».

Приходится признать, однако, что этот цикл наиболее спорен, хотя его недостатки объясняются скорее общей неразработанностью этого раздела в марксистской концепции языка. В самом деле, авторам (Г. В. Колшанскому и Т. П. Ломтеву) приходится рассуждать так: в марксистской философии имеется важнейшее положение о диалектических противоречиях как источнике развития всех явлений природы и общества, нужно подобрать что-либо в языке, что могло бы быть истолковано так же. Сомнительным кажется самый путь — «подбор» вместо открытия, да и результаты оказываются совершенно различными.

Г. В. Колшанский устанавливает «глобальное противоречие языка» как противоречие формы и содержания (стр. 40), при этом «под формой в языке понимается материальное бытие языка», т. е. его звуковая и графическая реализация (стр. 36), а под содержанием языка — мыслительная деятельность человека (понятия, суждения, умозаключения и т. д.) (стр. 37). Таким образом, предметом анализа в этой статье оказывается, вопреки ее названию, не язык, а комплексный объект «язык-мышление», понимаемый, по всей видимости, как некая самостоятельная система. Из этого совершенно логично вытекает, что «движущее начало этих противоречий выходит за рамки имманентной системы и вырастает вне сферы самого языка. В целом эту сферу мы обозначим как сферу познающего мышления» (стр. 41).

В статье Т. П. Ломтева «основным внутренним противоречием» называется противоречие «между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями» (стр. 60). Согласно точке зрения автора, «данное понимание основного противоречия в развитии языка должно быть конкретизировано», и при этой конкретизации, в которой и заключается дальнейшее содержание исследования, фактически оказывается, что категория противоречия совпадает с категорией оппозиции в языке. В качестве описания оппозиций и корреляций восточнославянской системы падежей в ее развитии работа Т. П. Ломтева, безусловно, должна быть признана одной из лучших работ на эту тему. Но отождествление диалектического противоречия в языке с языковой оппозицией вряд ли удовлетворительно.

Как решение Г. В. Колшанского, так и решение Т. П. Ломтева, по-видимому, не учитывают современной разработки

вопроса о диалектических противоречиях, в соответствии с которой «диалектическое противоречие не поддается непосредственному усмотрению в фундаменте бытия — путем построения онтологии» и формой его констатации является научная «содержательная антиномия, которую, в силу ее объективности, нельзя устранить никакими усовершенствованиями корректности изложения в пределах имеющегося знания»¹. С этой точки зрения наиболее адекватной формой констатации диалектического противоречия в языке будут антиномии «означаемого и означающего» знака, «кода и текста» (соответственно «парадигматики и синтагматики»), «тождества и различия» (соответственно «синонимии и омонимии»), «синхронии и диахронии» и т. п., явившиеся результатом кропотливой исследовательской работы последних десятилетий².

Основное содержание статьи В. М. Солнцева по существу составляют яркие и неоднократно отмечавшиеся аналогии между различными типами определений фонемы, с одной стороны, и такими историко-философскими категориями, как «номинализм», «реализм» и т. п., — с другой (хотя последние и не называются прямо в тексте статьи). Автор излагает свою точку зрения на этот вопрос и высказывает интересные соображения о соотношении инвариантов и вариантов, о способе наименования абстрактных лингвистических сущностей и др. Вместе с тем, некоторые выводы статьи с философской точки зрения, по-видимому, остаются дискуссионными. Например, «следует отдать предпочтение утверждению о том, что язык „как система“ состоит из материальных, а не абстрактных единиц. Эти материальные единицы объединяются в классы, „сокращенным“ обозначением которых являются абстрактные единицы» (стр. 105—106). Остается неясным, существуют ли, по мнению автора, «абстрактные единицы» как объективные единицы языка, или только как принцип упорядочения «конкретных» единиц, хотя и объективно обоснованный. Если (как, по-видимому, полагает В. М. Солнцев) «материальное» противопоставлять «абстрактному», то тогда «идеальное» должно противопоставляться «конкретному». Такая система противопоставлений остается неясным моментом в вопросе об абстрактных сущно-

¹ См. «Философская энциклопедия», 4, М., 1967, стр. 404.

² Ср.: E. Benveniste, Saussure après un demi-siècle, в кн.: E. Benveniste, Problèmes de linguistique générale, Paris, 1966; «Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Лексика современного русского литературного языка», под ред. М. В. Панова, М., 1968, стр. 23—24.

ства в лингвистике. Между тем, рассматриваемый в этой статье вопрос имеет и свою историю, и свою философию. Как известно, понимание фонемы как «удобного понятия для анализа», как «конструкта», как «операционной функции» (В. Тводелл, С. К. Шаумян) соответствует «номинализму»; понимание фонемы как психической и психологической реальности (ранний Щерба, ранний Трубецкой) соответствует «концептуализму»; понимание фонемы как «семьи звуков», как «абстрактного звука» (Л. В. Щерба, Д. Джоунз) до некоторой степени соответствует «реализму»³. Эта история вопроса, как и удачные опыты синтеза учений о фонеме (например, С. И. Бернштейна⁴), скорее должны были бы ориентировать исследователя на проблематику единичного, особенного и всеобщего в ее философско-языковом преломлении.

Таким образом, в целом разбираемый раздел сборника характеризуется стремлением делать заключения от самых общих философских положений непосредственно к лингвистическим категориям, минуя срединную специальную область «философии языка», которая в ряде пунктов уже достаточно разработана.

Следующий цикл составляют статьи В. З. Панфилова «Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке», А. А. Леонтьева «Проблема глоттогенеза в современной науке» и В. И. Абаева «О родовых отношениях и терминах родства у осетин». Каждая из них представляет собой вполне законченное, хотя и небольшое по объему исследование, а весь цикл в целом освещает проблему глоттогенеза и становления внутренних категорий языка. Кроме того, эти статьи восполняют некоторые пробелы предыдущего цикла.

А. А. Леонтьев справедливо, с нашей точки зрения, подчеркивает, что в философской постановке проблемы глоттогенеза у К. Маркса и Ф. Энгельса «налицо единство трех сторон: специфики деятельности (отношение к природе), специфики общения (отношение друг к другу) и специфики сознания» (стр. 140). Отношение к сознанию, и уже — мышлению, оказывается, таким образом, лишь одним из трех моментов в пробле-

ме развития языка, и преувеличение этой стороны, заметное в предыдущих статьях сборника (ср. Р. А. Будагов, стр. 16—20; Т. П. Ломтев, стр. 60, 75; Г. В. Колшанский, стр. 41), благодаря этой констатации выправляется. А. А. Леонтьев показывает, что «развитие психики у первобытного человека ни в коем случае не может быть отождествлено с развитием мышления» (стр. 149 и сл.). Язык есть форма деятельности и общения прежде всего, и благодаря этому язык — самостоятельная семиотическая система особого рода, т. е. самостоятельной системой является язык, а не комплекс «язык — мышление», хотя теснейшая связь с мышлением несомненна. Следует все же заметить, что философская аргументация могла бы быть усилена ссылками на имеющиеся работы (или дискуссии с ними). Статья также выиграла бы, если бы ее автор уделил больше внимания лингвистическому аспекту проблемы.

В. З. Панфилов детально исследует закономерности и этапы развития категории количества, являющейся одной из наиболее абстрактных категорий мышления. Данные истории числительных и категории грамматического числа в языках различных типов, а также данные этнографии и детской психологии подтверждают положение Ф. Энгельса о том, что способность отвлекаться при рассмотрении предметов счета от всех свойств, кроме числа, «есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития». Чувственно-наглядный способ отражения количественной характеристики конкретных множеств предметов рассматривается автором не как начальная стадия ее развития, а как историческая предпосылка для ее возникновения. Большой и разнообразный языковой материал, приведенный автором, служит подтверждением положения о том, что категория количества является категорией абстрактного обобщенного мышления, а в языке выступает как классифицирующая категория, сходная с категориями именных классов. В этом отношении особенно поучительна система числительных в нивхском языке (см. заключительные таблицы на стр. 130—133). Таким образом, исследование В. З. Панфилова, имеющее и большое самостоятельное значение, убедительно подтверждает тезис об относительной самостоятельности системы языка при несомненной тесной ее связи с мышлением.

В сжатой, но очень четкой статье В. И. Абаева по данным осетинского языка, фольклора и этнографии прослеживаются черты социальной архаики, давно отошедшие в прошлое в живом быту. Тезис о том, что язык и фольклор могут хранить следы весьма древних социальных структур и служить, таким образом, ценным историческим источником, получает

³ См., например: R. H. Robinson, *Aspects of prosodic analysis*, сб. «Prosodic analysis», ed. by F. R. Palmer, London, 1970, стр. 188—200; О. В. Трахтенберг, *Очерки по истории западноевропейской средневековой философии*, М., 1957, стр. 26—27; Д. П. Горский, *Вопросы абстракции и образование понятия*, М., 1961, стр. 9—79.

⁴ С. И. Бернштейн. Основные понятия фонологии, ВЯ, 1962, 5; его же, Фонема, БСЭ, 45.

подтверждение на осетинском материале. Следует сказать, что в этом отношении язык, фольклор и этнография осетин обнаруживают разительное типологическое сходство с языком, фольклором и этнографией соседних народов, в частности кабардинцев, адыгейцев, абхазцев и абазинцев. Та часть статьи, которая касается терминов родства у осетин, отвечает одной из актуальных тем современного языкознания — социальному исследованию словаря, и существенно дополняет аналогичный раздел работы Э. Бенвениста⁵.

Следует также сказать, что статьи В. З. Панфилова и В. И. Абаева удачно дополняют сборник еще в одном отношении. Напомним в этой связи замечательную мысль акад. Н. И. Конрада: «Мы прилагаем к оценке философских идей Востока обозначения, сложившиеся в философской науке у нас, в Европе, такие, например, как материализм, идеализм, рационализм, интуитивизм... и т. п., даже не подумав всерьез о том, — походят ли вообще эти обозначения к тому, что мы хотим обозначить ими; не лучше ли обратиться к тем обозначениям и характеристикам, которые выработаны научной мыслью там же — на Востоке; не соответствуют ли именно эти обозначения природе и содержанию обозначаемых ими явлений... Работу в этом направлении я и называю преодолением европоцентризма в науке (разрядка паша — Ю. С., М. К.), а такое преодоление считаю одной из самых важных в наше время задач науки о человеке и об обществе»⁶. *Mutatis mutandis*, сказанное Н. И. Конрадом, относится не только к философии, а и к лингвистике, в особенности к ее философскому разделу. Без материалов упомянутых статей сборник действительно имел бы легкий налет европоцентризма.

Четвертый цикл статей посвящен категории диалекта в разных исторических условиях. Его составляют работы А. В. Десницкой «К вопросу о языковых отношениях в родовом обществе», В. Н. Ярцевой «Соотношение территориальных диалектов в разных исторических условиях», М. М. Гухман «Взаимодействие диалектных ареалов и развитие наддиалектных форм в донациональный период (на материале германских языков)». Несмотря на некоторые расхождения в деталях, цикл образует большое внутреннее единство, и в нем, по существу, развито новое положение марк-

систской исторической социологии языка. В общей форме это положение можно было бы выразить так: диалект является основной формой, существования языка от периода общинно-родового строя до начала национального периода, формой, определяемой одновременно двумя рядами соотношений: рядом территориальным («горизонтальным») и рядом социально-иерархическим («вертикальным»), причем соотношение этих рядов исторически изменчиво. Это положение в дополнение к материалам сборника может быть подтверждено также данными русской диалектологии, ср., например, свидетельство Ф. П. Филина: «Большинство современного сельского населения (в России.— Ю. С., М. К.) говорит или на литературном языке или на своеобразных „койне“, переходных от прежних диалектных систем к литературному языку»⁷.

А. В. Десницкая, основываясь на работах Ф. Энгельса, рассматривает языковые процессы и типы языковых отношений, характерные для родового строя. Автор справедливо считает, что дальнейшая разработка теории обобщенных вариантов языка, возникших в условиях родового общества, открывает выход к изучению многих вопросов языковой истории, а именно: характер праязыков или праязыковых состояний, уточнение понятий «общий и единый язык народности» и т. д. Особенно интересны положения А. В. Десницкой о двух уровнях речи — верхнем, в котором воплощалось единство племенного диалекта как системы, и низшем, на котором возникла и распространилась вариативность (стр. 169). Вместе с тем, можно было бы, по-видимому, шире привлечь материалы советской лингвистики и этнографии 40—50-х годов, в частности, материалы гипотезы «языковой непрерывности» С. П. Толстова и дискуссии по ней⁸, а также более новые данные⁹. В свете последних, свидетельства Миклухо-Маклая, упоминаемые на стр. 160, требуют более развернутой интерпретации, так как не вполне ясно, что наблюдал этот исследователь в Новой Гвинее — родственные диалекты или разные языки (сходная ситуация, по свидетельству Д. А. Ольдерогге, часто имеет место в современной Африке).

Полезно было бы усилить аргументацию и в пользу тезиса о «вертикальной

⁷ Сб. «Язык и общество», М., 1968, стр. 12.

⁸ «Советская этнография», 1950, 4, стр. 15—23; 1951, 3.

⁹ Ср.: Д. А. Ольдерогге, О некоторых этнолингвистических проблемах Африки, «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.

⁵ E. Benveniste, *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*, 1 — *Economie, parenté, société*, Paris, 1970, стр. 203—276.

⁶ Н. И. Конрад, *Запад и Восток*, М., 1966, стр. 29—30.

иерархии» и хотя бы бегло охарактеризовать точки зрения А. Мейе, В. Пизани и Д. Девото¹⁰.

В статье В. Н. Ярцевой на материале английских и кельтских диалектов Британских островов раскрывается особый, чрезвычайно интересный аспект диалектного варьирования — переход территориальных и временных диалектных различий в различия нормативно-иерархические. Статья, в особенности в ее кельтской части, вводит в наш научный обиход малоизвестный у нас материал и представляет собой по существу исследование, имеющее самостоятельное значение. Большой круг вопросов, относящихся к общей названной выше теме, исследуется в статье М. М. Гухман. Автор уточняет содержание самих понятий «диалект» и «наддиалектные формы языка» в связи с тем, что оба эти термина применяются не дифференцированно к разным явлениям и языковым отношениям, сложившимся в разных условиях, и выделяет три исторических типа диалекта (диалект в условиях родоплеменного строя, диалект в эпоху образования древних и средневековых государств, диалект в период формирования национальных единств). Особое внимание уделяется становлению и развитию наддиалектных форм в донациональный период. Материал этой статьи показывает, насколько своеобразными могут быть пути сложения наддиалектных типов речи не только в истории разных языков, но и в разные периоды развития одного и того же языка. Очень интересны соображения М. М. Гухман о двойном статусе готского письменного языка — как языка межплеменного общения (в «горизонтальном» ряду) и как «особого религиозного койне германского мира» (в «вертикальном» ряду) (стр. 218—219).

Последний цикл образуют две статьи — С. Д. Кацнельсона «Метод системной реконструкции и внутренняя хронология историко-лингвистических фактов» и Э. А. Макаева «О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства». Э. А. Ма-

каев, рассматривая известные опыты замены понятия генетического родства языков понятием типологического и ареального схождения (Н. С. Трубецкого, В. Пизани и др.), формулирует положение о том, что «типологические критерии не в состоянии ни заменить, ни отменить генетические критерии при установлении языкового родства; в данном вопросе именно последним всегда принадлежало и будет принадлежать решающее слово» (стр. 309); это положение автор ставит в связь с положением Ф. Энгельса об историческом развитии языков (стр. 306).

С. Д. Кацнельсон в своей статье рассматривает четыре примера системной реконструкции в языкознании, противопоставляя ее «атомарным», и в этом смысле несистемным, реконструкциям младограмматиков. Эти примеры таковы: 1) реконструкция праиндоевропейского вокализма Соссюром, 2) реконструкции балто-славянских акцентных систем, 3) современные реконструкции в сфере немецкой диалектологии, 4) реконструкции прошлого состояния диалектов в работе Ф. Энгельса «Франкский диалект». С. Д. Кацнельсон высказывает в этой связи ряд интересных соображений, например, положение о том, что при системной реконструкции движение начинается с наличных фактов и идет ретроспективно в глубь предьстории, в связи с чем большая или меньшая абсолютная древность зафиксированных фактов теряет значение (стр. 280, 285, 287). Однако, кроме этого момента, читателю трудно уловить какую-либо связь между четырьмя приведенными примерами, в особенности между работой Ф. Энгельса и тремя остальными реконструкциями. Из-за этого содержание статьи, само по себе интересное, оказывается мало связанным с энгельсовской темой сборника.

В целом, как мы стремились показать в кратком обзоре, отдельные частные разногласия между авторами или, с точки зрения рецензентов, пробелы в содержании являются гораздо менее значительными, чем внутреннее теоретическое единство этого подлинно энгельсовского сборника. Вместе с тем, сборник показывает, в каких отношениях предстоит особенно много сделать для раскрытия основ диалектно-материалистического подхода к языку.

Ю. С. Степанов, М. А. Кумахов

¹⁰ Ср. также, например: J. Kuryłowicz, *Indo-European metrical studies*, «Poetics», Warszawa, 1961; *Indo-germanische Dichtersprache*, hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt, 1968.